

О.И. Боговкова*

Китайско-вьетнамская война 1979 года в контексте китайской геополитики

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена анализу причин и результатов китайско-вьетнамской войны 1979 года. Являясь примером противоречивой внешней политики Китая, эти события обычно рассматриваются как неудачная военная операция. В статье утверждается, что действия Пекина полностью соответствуют традиционным китайским геополитическим концепциям. В статье также рассматриваются работы западных экспертов, в которых первостепенное внимание уделяется биполярному контексту китайско-вьетнамской войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: китайско-вьетнамская война, геополитика Китая, стратагема, биполярная международная система, «бумажный белый медведь».

Китайско-вьетнамская война 1979 года остаётся не до конца изученным и противоречивым эпизодом двусторонних отношений. Причиной этого можно считать определённый консерватизм взглядов различных сторон. Так, Китай позиционирует события 1979 года как «ответный удар с целью преподать урок» в ответ на пограничные столкновения и действия Ханоя в Камбодже. Вьетнам придерживается точки зрения, в соответствии с которой вьетнамский народ и армия при поддержке Советского Союза одержали победу в борьбе с экспансионистскими устремлениями Пекина. Американские эксперты рассматривают это столкновение как региональное проявление биполярного противостояния, возникшего в контексте ухудшения советско-китайских отношений и провозглашённой Китаем борьбы с советским

---

* Боговкова Ольга Игоревна, Центр изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока РАН, Москва, Россия; E-mail: janior@mail.ru

---

© Боговкова О.И., 2017

«гегемонизмом». При этом каждая из точек зрения опирается на ряд важных факторов, которые в совокупности определяют комплексный характер этого важного исторического, хотя и локального события.

Действительно, китайско-вьетнамское столкновение 1979 года не было случайным эпизодом в истории, а соответствовало логике развития отношений между Китаем и Вьетнамом, ситуации в региональной и мировой системах, но при этом также укладывалось в текущую концепцию китайской геополитики. Для соответствующего контекстного анализа необходимо выделить несколько уровней целеполагания и оценки результатов конфликта.

Поводом для китайско-вьетнамской войны стал ряд происшедших в регионе событий второй половины 1970-х годов.

Во-первых, это действия Вьетнама в 1977–1979 годах против «красных кхмеров», репрессировавших камбоджийских вьетнамцев и дестабилизировавших обстановку в регионе. В январе 1979 г. вьетнамские войска в результате краткосрочной и эффективной операции взяли г. Пномпень. Власть в Камбодже перешла к провьетнамским силам — Единому фронту национального спасения Кампучии под руководством Хенг Самрина.

Кроме того, на решительность последующих действий Пекина повлиял массовый исход из Вьетнама китайских коммерсантов как в результате проведённых Ханоем социально-экономических преобразований после объединения страны, так и под влиянием пекинской пропаганды [2].

В этих условиях 14 февраля 1979 г. ЦК КПК принимает решение о начале вторжения, на следующий день китайское руководство заявляет о намерении «преподать Вьетнаму урок», а 17 февраля 1979 г. Народно-освободительная армия Китая уже занимает вьетнамские опорные пункты первой линии обороны. 19 февраля китайцами захвачен провинциальный центр г. Лаокай, к началу марта после ввода вторых эшелонов и резервов НОАК овладевает городами Каобанг и Лангшон. На вспомогательных направлениях вьетнамцы отразили наступление. При этом война шла только на суше, боевые действия вели части сухопутных войск НОАК. Авиация осуществляла исключительно разведку, и то на небольшой глубине, в связи с высокой плотностью и эффективностью вьетнамской ПВО. На море боевые действия не велись. В районах Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей в этот период находились корабли советского Тихоокеанского флота, которые блокировали вход в Тонкинский залив. Поблизости курсировало авианосное соединение флота США, однако оно не пыталось преодолеть советский кордон.

После ожесточённых боев за г. Лангшон, взятия китайцами этого города и объявления 5 марта Ханоем всеобщей мобилизации Пекин в одностороннем порядке объявил о прекращении наступления и начале вывода войск. Окончательно войска были выведены и боевые действия прекращены 16 марта 1979 г. [9].

Анализ тактики Пекина позволяет сделать вывод, что военные (оперативные цели) Китая сводились к втягиванию в боевые действия основных вьетнамских сил и нанесению им тяжёлых потерь, и в том числе к тому, чтобы вынудить Ханой вывести части из Камбоджи для обеспечения подкрепления.

Однако эти цели достигнуты не были. Вьетнам разгадал манёвр китайского руководства, не вывел войска из Камбоджи и обошёл отрядами народной милиции, практически без привлечения основных сил (около 100 000 человек против 250 000 китайцев). При этом избранная Вьетнамом тактика отхода из городов в близлежащую гористую и лесистую местность и нанесения оттуда точечных ударов оправдала себя. Несмотря на то, что формально Китай взял несколько провинциальных центров, он понёс тяжёлые потери в личном составе и технике, сохранил низкий темп наступления, не смог втянуть в бой основные вьетнамские части и под прикрытием тяжёлого сражения за г. Лангшон постепенно в одностороннем порядке вывел войска [11]. Сделанное китайским руководством заявление о «преподанном уроке» было скорее формальным и не до конца соответствовавшим реальности, учитывая, что Китай так и не смог ослабить вьетнамского влияния в Камбодже.

Однако даже на этом, оперативном, уровне Пекином были достигнуты определённые положительные результаты. Неудачно проведённая военная операция продемонстрировала неэффективность традиционного маоистского подхода к народной войне, необходимость модернизации вооружений, внедрения новых технологий и актуализации форм и методов ведения военных действий. Это позволило фракции Дэн Сяопина в китайском руководстве выиграть своего рода «доктринальный спор», развернув программу «4 модернизаций». В своей речи на расширенном собрании Центральной военной комиссии КПК в июне 1985 года Дэн Сяопин обобщил все эти выводы: заявил о необходимости сократить численность личного состава в пользу повышения боевой эффективности, учесть результаты научно-технологической революции и отойти от доктрины Мао Цзэдуна о неизбежности глобальной войны в пользу более продуманной военной политики [12].

Однако намерение Китая «преподать урок» не было разовой или случайной акцией. Индийский военный исследователь Г.Д. Бакши

даже вводит понятие «the teach a lesson model» («модель войны с целью преподать урок»), делая отсылку к похожему по целям китайско-индийскому конфликту 1962 года [11]. При этом Бакши акцентирует внимание на военном аспекте модели, в то время как эта модель носит, скорее, геополитический характер. И это уже характеризует второй, тактический уровень анализа китайско-вьетнамской войны 1979 года. Для данного уровня анализа необходимо обратиться к предыстории отношений Китая со странами Юго-Восточной Азии, в данном случае с Вьетнамом, и к специфике китайской геополитики.

Исторически Китай занимал центральное положение в геополитической архитектуре региона. Выработанная им система мироустройства предполагала деление нижнего уровня мира (Земли) на центр — Срединное государство — и периферию, к которой Китай относил окружающие его племена, ведь на тот момент они объективно располагались ниже по уровню развития государственности. Представители «варваров» должны были на регулярной основе прибывать к китайскому двору с данью и получать от Китая инвестицию на правление, несоблюдение этого считалось нарушением космического порядка. Сходящая с Неба на Землю гармонирующая сила *дэ* в периоды процветания Китая распространялась и на окружающих «варваров» (в том числе на территории нынешнего Вьетнама). В таком контексте к «Поднебесной» (*Тянься*) относилось «всё, что накрывает Небо и что поддерживает Земля»¹, а на китайского императора как проводника полученной от Неба *дэ* возлагалась миссия по цивилизаторскому переустройству окружающих «варварских» образований. В случае их неподчинения император мог покарать их, применив военную силу, причём в текстах того времени использовались такие термины, как *вэнь цзуй* («взыскать за провинность»), *ши вэй* («продемонстрировать грозность») [10, с. 17].

Однако с X–XI века, когда Китай столкнулся с равной ему или большей силой — киданями, тангутским государством Си Ся, государством чжурчжэней Цзинь, а с XIII века с монголами, эта система мироустройства и отношение с окружающим миром претерпели некоторые изменения. С учётом необходимости адаптации «китаецентристской» доктрины к реалиям выделяется вторая дипломатическая традиция Китая, в дополнение к первой, «мироустроительной». В рамках этой второй традиции появляются договорные отношения с соседями и используются отдельные внешнеполитические стратегемы, такие

---

¹ Цит. по: Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура М.: Вост. лит., 2009. С. 172.

как, например, *и и чжи и* («управлять варварами с помощью других варваров») и т.д. [3; 10].

Подобную стратегию дипломатии Китай попытался использовать в середине и конце XIX века, когда столкнулся с агрессивной западной цивилизацией, не уступающей, а во многом и превосходящей его по силе. Однако западные страны — это не окружающие «варварские» племена, их опыт в международных отношениях и экономике, научно-технический и промышленный потенциал требовали более сложной, многофакторной внешней политики, которой на тот момент Китай не обладал. В результате, после «опиумных войн» 1840–1860-х годов региональная подсистема подверглась резкой трансформации, а прежняя китаецентристская модель мира, до этого признававшаяся легитимной странами региона, была сломана или, по крайней мере, надолго забыта.

Однако говорить о полном уничтожении идеологической основы китайской мироустроительной модели нельзя хотя бы потому, что, во-первых, эта модель всегда была, прежде всего, внутренней для Китая и лишь во второй степени «изливалась» вовне [3], а значит, пока существует Китай, существует и эта модель. А во-вторых, как уже упоминалось, и ранее в истории Китая были периоды, когда «китаецентристкой» геополитической доктрине приходилось адаптироваться к реальным историческим условиям.

На протяжении первой половины XX века Китай решал внутривнутриполитические вопросы и не играл существенной роли в международных отношениях. Однако уже в 1950–1960-х годах Пекин, достигнув в определённой степени внутренней стабильности, начал возвращаться к активному внешнеполитическому позиционированию, для чего приступил к разработке соответствующих концепций. Эти концепции были выдержаны в духе прежней китаецентристской модели, но пока с акцентом на региональный уровень и противопоставление региона (или «стран третьего мира», борющихся за независимость) мировым державам. Подтверждением возврата Китая к прошлой «мироустроительной» доктрине может, например, служить тот факт, что продвижение «пяти принципов мирного сосуществования» в азиатском регионе, выдержанных в духе западного международного права, тем не менее не помешало Пекину в 1962 году развязать с Индией пограничный конфликт, а в 1974–1975 годах захватить часть Парасельских островов.

На фоне просыпающейся внешнеполитической активности Китая действия Вьетнама в Камбодже представляли чувствительный удар. Вьетнамская операция по свержению полпотовского режима, находившегося под формальной защитой Китая, была проведена быстро,

решительно и чрезвычайно эффективно. Интересно, что согласно Г.Д. Бакши, по стилю и тактическому исполнению блицкриг Ханоя напоминает советские концепции ведения наступательных операций [11].

В результате ввода в Камбоджу вьетнамских войск в январе 1979 года прокитайский режим был свергнут, к власти пришел Единый фронт национального спасения Кампучии Хенг Самрина (ставленника Ханоя), а Китай потерял пленными несколько тысяч своих военных советников, и главное — «потерял лицо». Для Пекина, отчаянно стремившегося вернуть свою центральную роль доминирующей военной державы в регионе, это было неприемлемо.

Выход из этой ситуации Китай увидел в развязывании китайско-вьетнамского конфликта под предлогом «преподания урока», что так перекликалось с прежними концепциями усмирения соседей — «варваров». В китайских исследованиях особенно подчёркивалось отношение Пекина к Вьетнаму как «младшему», который руководствуется «своим национальным шовинизмом»² вопреки той помощи, которую Китай оказывал соседу в войнах с Францией и США. В результате вторжения 1979 года Пекин, несмотря на тяжёлые потери и демонстрацию отсталости собственной армии, захватил несколько крупных провинциальных центров — Лаокай, Каобанг, Лангшон и, самостоятельно приняв решение об одностороннем выводе войск, имел формальное основание позиционировать себя как победителя в войне.

Однако события разворачивались не в прежней региональной системе, в рамках которой Вьетнам, подавленный «тиранией географии» [7], то есть вынужденным соседством с более сильным государством, априори тяготел к пусть и формальному, но признанию своего вассалитета. Локальный по сути конфликт имел место в специфических условиях биполярной международной системы и косвенно в него были вовлечены её ключевые акторы — СССР и США.

И здесь речь идёт о третьем, стратегическом уровне китайско-вьетнамской войны. В работах западных учёных события февраля–марта 1979 года трактуются в рамках идеологического дискурса времён «холодной войны» как региональное измерение глобального биполярного противостояния.

В подтверждение этого американские специалисты акцентируют внимание на так называемой «международной подготовке» Китаем вторжения во Вьетнам — дипломатической кампании Пекина, включавшей поездки Дэн Сяопина в Японию и США, подписание

---

² Цит. по: Галенович Ю.М. «Войны Нового Китая» и его дипломатическая служба. М.: Восточная книга, 2012. С. 198.

Договора 1978 года с Японией с «антигегемонистской» статьёй явной антисоветской направленности, установление с США дипломатических отношений, встречу с Никсоном.

По мнению западных учёных, Китай таким образом проводил политику «встраивания» в биполярный контекст посредством перехода в проамериканский лагерь, что было продиктовано в том числе и прагматичными соображениями — например, стремлением получить американские и японские технологии, экономическую поддержку и т.д. [14].

Действительно, можно вспомнить заявления Мао Цзэдуна 1976 года о советском экспансионизме, продолженные в 1977 году Дэн Сяопином словами о необходимости «сорвать глобальный план, вынашиваемый Советским Союзом»³, и наконец как кульминацию — визит Дэн Сяопина в США в январе 1979 года, в ходе которого китайский лидер заявлял о необходимости объединения для борьбы с советским гегемонизмом и представлял Вьетнам «Кубой Востока» [5].

Анализируя события 1979 года, западные специалисты фокусируются на основном, с их точки зрения, стратегическом результате, достигнутом Китаем — нанесенном геополитическом ущербе Советскому Союзу, или «бумажному белому медведю», как он теперь определялся китайскими и американскими теоретиками. «Бумажному» — ведь Москва не вмешалась напрямую в ход боевых действий, а значит, Китай продемонстрировал, что может безнаказанно напасть на советского союзника и тем самым якобы свести на нет советско-вьетнамский договор 1978 года [13]. Данные утверждения, однако, не совсем корректны, поскольку в соответствии со статьёй 6 упомянутого Договора 1978 года, если одна из сторон «явится объектом нападения или угрозы нападения, Высокие Договаривающиеся Стороны немедленно приступят к взаимным консультациям в целях устранения такой угрозы и принятия соответствующих эффективных мер для обеспечения мира и безопасности их стран»⁴. Москва же предприняла практические шаги, включая поставку Ханюю вооружения и военной техники, отправку во Вьетнам военных советников, наконец, усиление воинских частей на советско-китайской границе [2].

---

³ Цит. по: *Свешников А.А.* Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности // *Китай в мировой политике*. М.: МГИМО–Университет; РОССПЭН, 2001. С. 105.

⁴ Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Социалистической Республикой Вьетнам от 3 ноября 1978 г. // LAW.RU.INFO: сервер «Правовая Россия». URL: <http://old.lawru.info/base72/part7/d72ru7327.htm> (дата обращения: 10.11.2016).

Вместе с тем сведение вопроса китайской геополитики, уходящей корнями вглубь истории, к специфичному для данного исторического периода биполярному фактору представляется не совсем верным. Международная система времён «холодной войны» — это всего лишь условия, декорация для развёртывания китайских геополитических концепций, определяющихся национальными интересами, которые не зависят от биполярной идеологии. Ведь уже с 1960-х годов Китай отходит от жёстких критериев биполярности (например, выдвинутая в 1964 году концепция «промежуточных зон»), а на III Пленуме ЦК КПК в 1978 году мировая революция и идеологическая борьба объявляются вторичными. В ходе Пленума китайское руководство провозглашает приоритетными внутренними вопросы, а целями внешней политики — обеспечение национальной безопасности и мирного окружения [8].

Подписание в ноябре 1978 года Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ высветило китайский страх «окружения» и войны на два фронта, который имеет исторические корни и не сводится к отношениям внутри треугольника СССР–США–Китай. Это один из традиционных элементов китайской геополитической доктрины, которая определяет международное положение Китая безотносительно к конкретному историческому периоду.

Китайско-вьетнамский конфликт имеет стратегическое измерение, однако, не в узком контексте «холодной войны». В отличие от тактического аспекта, сфокусированного на региональной системе и китайско-вьетнамских отношениях, стратегическое измерение представляет собой продолжение традиционной внешнеполитической доктрины Китая, для которого исторически Вьетнам отнюдь не основной противник и конкурент. Геополитические цели Пекина простираются гораздо дальше региона Юго-Восточной Азии. Действительно, одной из стратегических целей китайского вторжения 1979 года было воздействие на Советский Союз. Ведь не зря Китай объявил о намерении «преподать Вьетнаму урок» 15 февраля 1979 года, в первый день своего возможного выхода из советско-китайского Договора 1950 года (и в день 29-й годовщины соглашения И.В. Сталина и Мао Цзэдуна по Монголии). Но это не логика биполярной системы подтолкнула Китай к действиям, а наоборот — эта логика вполне укладывается в китайскую стратегию традицию *и и чжи и* («управлять одними варварами с помощью других»), или в данном контексте подыгрывать одной из сторон в биполярном противостоянии, *юань цзяо цзинь гун* («привлечь дальних (Вашингтон), нападать на ближних (Москва)'), *цзи ми бу цзюэ* («ослабить поводья, не разрывая

отношений»), т.е. на какое-то время отказаться от ключевой геополитической роли с тем, чтобы впоследствии к ней вернуться.

Однако необходимо помнить, что и стратагемная концепция всегда была для Китая дополнительной — всего лишь адаптацией имманентной «мироустроительной» доктрины к исторической реальности. В конце 1970-х — начале 1980-х годов Китай ещё не вернул себе прежнего положения в региональной и тем более в мировой системе. А значит, как и в прежние исторические периоды отсутствия достаточной силы и влияния, Пекин гибко подстраивает свою внешнеполитическую доктрину под существующие условия, не отказываясь при этом от традиционных «китаецентричных» концептов и не позволяя своим региональным соседям о них забыть.

В контексте «холодной войны» Пекин удачно разыгрывает биполярную карту, обеспечив невмешательство и негласную поддержку своих действий, прежде всего со стороны Вашингтона, создав для американского зрителя видимость, что Китай — «передний край борьбы с советской экспансией» [8, с. 106]. Кажущийся нелогичным переход социалистического Китая к антисоветской и проамериканской политике имеет корни именно в традиционной геополитике и не сводится исключительно к биполярной идеологии. Основным для Китая остаётся собственное позиционирование в регионе и в мире, соответствующее его традиционным концептам. И в этом позиционировании стратегические цели Пекина лежат не в двусторонней или региональной плоскости, а в сфере Поднебесной, в её традиционном со времён императорского Китая понимании.

Исходя из результатов проведённого анализа на оперативном, тактическом и стратегическом уровнях можно сделать вывод, что Китай сохраняет верность своей геополитической парадигме, лишь приспособливая её к конкретным условиям. В таком аспекте китайско-вьетнамская война 1979 года не случайный акт и не внешнеполитическая ошибка, а лишь один из первых шагов по возвращению Пекином своего регионального и мирового статуса в контексте традиционной китайской геополитики.

Литература

1. *Галенович Ю.М.* «Войны Нового Китая» и его дипломатическая служба. М.: Восточная книга, 2012. 640 с.
2. *Глазунов Е.П.* К 35-летию китайско-вьетнамского вооружённого конфликта // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 23.
3. *Грачиков Е.Н.* Геополитика Китая. Эгоцентризм и пространство сестей. М.: КноРус, 2017. 240 с.

4. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. *М.Л. Титаренко*; Ин-т Дальнего Востока РАН. Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М.: Вост. лит., 2009. 935 с.: ил.
5. История Китая: Учебник / Под ред. *А.В. Меликсетова*. 4-е изд. М.: Изд-во МГУ; Изд-во «ОНИКС», 2007. 752 с.
6. *Киссинджер Г.* О Китае / Пер. с англ. *В.Н. Верченко*. М.: АСТ, 2014. 635 с.
7. *Корсун В.А.*: 1) Китайский «мировой порядок»: альтернативная интерпретация исторической трансформации внешнеполитической парадигмы // Китай в мировой политике. М.: МГИМО–Университет; РОССПЭН, 2001. 528 с.; 2) Внешнеполитический механизм «с китайской спецификой» // Вестник МГИМО–Университет. 2010. № 1 (10).
8. *Локишин Г.М.* Вьетнам-китайские отношения: тирания географии и здравый смысл // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. № 21.
9. *Свеников А.А.* Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Китай в мировой политике. М.: МГИМО–Университет; РОССПЭН, 2001. 528 с.
10. *Славин В.*: 1) Первая социалистическая // Воздушно-космическая оборона. 2007. № 6; 2) Первая социалистическая–2 // Воздушно-космическая оборона. 2008. № 1.
11. *Тихвинский С.Л.* Взаимоотношения Китая с соседними странами в новое и новейшее время и современная китайская историография // Китай и соседи в новое и новейшее время [отв. ред. ак. *С.Л. Тихвинский*]. М., Наука, 1982. 457 с.
12. *Bakshi G.D., colonel.* The Sino-Vietnamese War — 1979: Case Studies in Limited Wars // *Giao Diê'm* online, đăng ngày 2007. URL: http://www.giaodiemonline.com/noidung_detail.php?newsid=827 (дата обращения: 02.11.2016).
13. *Deng Xiaoping.* Selected Works of Deng Xiaoping. Beijing: Foreign Languages Press, 1994. Vol. 3 // URL: https://archive.org/stream/SelectedWorksOfDengXiaopingVol.3/Deng03_djvu.txt (дата обращения: 02.11.2016).
14. *Elleman Bruce A.* Modern Chinese Warfare, 1795–1989. Routledge, 2001. 376 p.
15. *Kenny Henry J.* Vietnamese Perceptions of the 1979 War with China // Chinese Warfighting: The PLA Experience Since 1949 [Mark A. Ryan, David Michael Finkelstein, Michael A. McDevitt, CNA Corporation]. Routledge, 2004. 344 p.

O.I. Bogovkova*

Sino-Vietnamese war 1979 in the context of Chinese geopolitics

ABSTRACT: The paper presents analysis of the causes and results of the 1979 Sino-Vietnamese war. Being an example of controversial Chinese foreign policy, it is commonly regarded as unsuccessful military operation. Article states that this action fully complies with China's traditional

geopolitical concepts. The works of Western experts focused on bipolarity context of Sino-Vietnamese war are also considered in the article.

KEYWORDS: Sino-Vietnamese war, China's geopolitics, stratagem, bipolar international system, "paper polar bear".

* Bogovkova Olga Igorevna, Center for the Studies of the Northeast Asia Strategic Issues and the Shanghai Cooperation Organization, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Science (Moscow, Russia); E-mail: janior@mail.ru